

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

ВОЛНИСТАЯ ДОРОГА ДО НЕБЕС

* * *

Ты забралась в такие дали, Русь!
Тайга, тайга — темнее всякой тучи.
И, глядя в небо, я не разберусь,
С каких широт несется ветер летучий.

Он обвевал изнеженный Париж,
Трепал халат на Азии раскосой,
А ты его встречаешь и паришь
В цветастом платье клевера и проса.

Крестьянские заботы не новы,
Судьба полынным запахом прогоркла.
Но небо! — от библейской синевы
Слезами перехватывает горло!

Над этой одичавшею рекой
Твой говор мягче шепота и плеска.
Твоею материнскою рукой
Разъята даль, как в доме занавеска.

РУМЯНЦЕВ Андрей Григорьевич родился на Байкале в многодетной семье рыбака. Закончил Иркутский университет. Опубликовал более двадцати поэтических и прозаических книг. Народный поэт Бурятии, член Петровской академии наук и искусств, лауреат нескольких литературных премий. Постоянный автор журнала "Наш современник".

Темь волчьих троп
И лунный свет гольца
Равно в твоём замешены стакане.
Ты первой с полусонного лица
Зарю смываешь в Тихом океане.

* * *

Г. С.

Все это призрачно в миру:
Безбедное существованье,
И слава громкая, и званье,
И даже замок на юру.

И даже то, что вьелось в кровь:
Твоя привязанность к левкою,
Моя — к простору и покою...
А вечна тихая любовь —

Неиссякаемый исток
Существования земного:
То, сердцем найденное, слово,
Тот, солнцем поднятый, росток...

* * *

Памяти Николая Рубцова

В пустой трубе эстрады гул затих,
И трубачам пришлось посторониться.
Застенчивый и смелый русский стих
На звездной отпечатался странице.

И поколения с русской душой
Читают сокровенного Рубцова.
В сыром углу избенки небольшой
Нас согревает солнечное слово!

Родные не тускнеют письма...
Над чуждой книгой пыль забвенья вьется...
Как все же справедливы времена:
Гул умирает,
Небо остается.

* * *

Жизнь позади,
А все звенеть не кончит
У маминого поля, на меже,
Небесный брат мой,
Синий колокольчик,
Качающийся в теплом мираже.

Динь-динь дороге,
Дремлющему долу!
Не затихает этот звон вдали.
Я припаду к цветастому подолу
Усталой, отдыхающей земли.

Я вновь заплачу,
Мальчик стародавний,
Щекой родную руку не найдя.
Укрой меня, усатый лес недалний,
И покачай под шепоток дождя.

И я опять услышу над собою
В родной не отцветающей глуши
И вещий голос вечного собора,
И тайный отклик тающей души.

Шумят деревья,
Родничок клокочет,
Но всех слышнее в теплом мираже
Небесный брат мой,
Нежный колокольчик,
У маминого поля, на меже...

* * *

Над деревенской крышею дымок.
Слепящий снег. Волнистая дорога.
И человек, идущий от порога
По этой самой легкой из дорог

В лучистый мир,
Где чистые поля
Сливаются с родными небесами...
Куда идет он с ясными глазами,
Заиндевелый, как и тополя?

Пред тем, как слиться с дальнею землей,
Пред тем, как в небе близком
раствориться,
С кем он в конце пути разговорится,
Уже осыпан звездною золой?

Кому оставит мир земных чудес,
Где все полно покоя и доверья:
Слепящий снег, прозрачные деревья,
Волнистая дорога до небес?

МОЙ КОСТЕР

Мой костер догорает.
В округе глухой
Он, как поздняя зорька,
Едва золотится.

Жизнь мою накрывает зазимок сухой,
Застилает все больше родимые лица.

Мой костер!
А давно ль ты пылал на ветру
На байкальской горе,
На ангарской равнине?
То черемуху нежно ласкал,
То ветлу —
Молодой твой огонь
Они помнят доньше.

Все отправит зима
На небесный покой.
И тебя, мой костер,
Не оставит старушка.
Словно звезды,
Сметет твои угли рукой
В мировой дымоход.
И закроется вьюшка.

Но я верю,
Я верю,
Останется след
От тебя, мой костер,
Догорающий ныне.
Кто-то скажет:
“Я видел мерцающий свет
Там, на этой горе,
Там, на этой равнине!”